

УДК 94(47).084.5/084.6

А. А. Хлевов

«БУДУЩАЯ ВОЙНА» КАК ПРОЕКТ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ 1920–1930-х ГОДОВ

С момента своего возникновения Советская Россия (а позднее — Советский Союз) оказалась лицом к лицу с необходимостью выстраивать военную стратегию и тактику в ожидании практически неизбежного военного противостояния с капиталистическим миром. В силу того, что совокупный опыт Первой мировой на Восточном фронте и Гражданской войны был вполне уникален, складывались условия для выработки оригинальных стратегических и тактических решений в рамках советской военной традиции. Именно поэтому ход развития советской военной мысли в межвоенный период отличался как творческим переосмыслением западных военно-стратегических разработок, так и выработкой собственных решений, вполне сопоставимых по масштабу и качеству с лучшими зарубежными образцами. Наиболее любопытны в этом отношении идеи В. К. Триандафиллова, касающиеся общих вопросов теории глубокой операции и существенно опередившие свое время. Однако, наряду с ними, не менее значимыми были разработки А. Н. Лапчинского, В. М. Лозового-Шевченко и др., касающиеся выработки стратегии авиации — нового рода войск, которому придавалось решающее значение в будущей войне. Сопоставление взглядов ведущих советских теоретиков с концептуальными предложениями западных стратегов явственно демонстрирует революционный характер советского военно-стратегического проекта этого периода. Особенно актуальным кажется сравнение этих различий с теми, которые выстроились на основе опыта Второй мировой войны по обе стороны «железного занавеса».

Ключевые слова: советская военная стратегия, межвоенный период, мировая война, военная наука, вооруженные силы, тактика.

С момента своего возникновения Советская Россия (а позднее — Советский Союз) оказалась лицом к лицу с необходимостью выстраивать военную стратегию и тактику в ожидании практически неизбежного военного противостояния с капиталистическим миром. Эта неизбежность предопределялась рядом факторов, важнейшими из которых были следующие. Прежде всего, категорическая несовместимость провозглашаемого СССР курса социальных преобразований и ценностных ориентиров идеологической и социальной модели капиталистических обществ делала Советский Союз крайне «неудобным соседом по планете». Стремление к его изоляции имманентно присутствовало как элемент внешней политики коллективного Запада

с момента возникновения СССР. Далее, ресурсная база СССР, доставшаяся ему в наследство от Российской империи с минимальными потерями, являлась неизменно привлекательной для промышленных и правящих элит капиталистического мира – прежде всего Великобритании, Германии и в меньшей степени Франции. Не меньший интерес к ресурсному вопросу проявляла и Япония. Наконец, третьим, но отнюдь не третьестепенным (возможно, главным), был фактор революционной опасности, которую представлял СССР для западного мира самим своим существованием. Несмотря на формальное осуждение троцкизма, рассматривавшего Советскую Россию как хворост для грядущей мировой революции, СССР отнюдь не отказался от установки на экспорт революции во всех доступных формах, включая полномасштабное вторжение, провоцирующее революционные изменения, в частности, в Европе. Безусловно, агрессия со стороны СССР формально категорически отвергалась, однако даже поверхностный анализ предвоенной тактики и стратегии, а также литературного и кинооформления государственной пропаганды [Хлевов, Коскова, с. 698–702] показывает, что ключевым моментом была провокация со стороны противника, неизбежно запускавшая механизм вторжения на его территорию с последующими революционными преобразованиями. Не вызывает никаких сомнений, что политическое и военное руководство крупных капиталистических держав не питало иллюзий по поводу миролюбия СССР, хотя и не имело адекватной информации о его реальной военной мощи, особенно во второй половине 1930-х годов.

Подготовка к неизбежной будущей войне, как известно, являлась краеугольным камнем советского проекта межвоенного периода. При этом обстоятельства выработки стратегических и тактических постулатов были существенно отличными от тех, что существовали, например, в европейских странах. В силу того, что совокупный опыт Первой мировой войны на Восточном фронте и Гражданской войны в России был вполне уникален, складывались условия для выработки оригинальных стратегических и тактических решений в рамках советской военной традиции. Относительно слабое насыщение русско-германского и русско-австрийского фронтов современными техническими средствами и новым вооружением, несколько меньшая интенсивность боевых действий по сравнению с Западным фронтом компенсировались новациями фронтов Гражданской войны. Огромные оперативные пространства, массовое возвращение тактики маневренной войны и почти полное отсутствие элементов войны позиционной дали весьма специфический опыт как военспецам и командирам всех уровней, так и высшему политическому руководству страны. Анализ этих уроков применительно к позиции И. В. Сталина и его ближнего окруже-

ния предпринимался автором [Хлевов, с. 7–60] и может быть отчасти резюмирован известной сталинской фразой «Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку» [Сталин, с. 261]. Безусловно, из этого никоим образом не следует, что опыт зарубежной стратегии и тактики огульно отвергался. Напротив, советская военная мысль придирчиво и пристально следила за новациями западной военной науки.

Исключительно интересный статистический анализ выходящей в СССР переводной военной литературы демонстрирует динамику и приоритеты этого процесса [Дусин]. Именно в силу тесного знакомства с западным в первую очередь опытом ход развития советской военной мысли в межвоенный период отличался как творческим переосмыслением западных военно-стратегических разработок, так и выработкой собственных решений, вполне сопоставимых по масштабу и качеству с лучшими зарубежными образцами. Осознавая глобальность темы и невозможность ее полного освещения в краткой статье, отметим следующие базовые тезисы, которые кажутся аксиоматичными, либо вполне жизнеспособными.

Стоит заметить, что ключевым вопросом межвоенной стратегии являлся вопрос темпов будущей войны. Катастрофическая психологическая травма, пережитая всей Европой в ходе позиционной войны, требовала ответа в виде модели перевода войны в маневренную фазу. Собственно, вокруг этой проблемы вращалась мысль всех стратегов, так или иначе размышлявших о будущих боевых действиях. Поэтому критерием эффективности стратегии являлась дилемма «маневренная–неманевренная война». Исключительно с точки зрения реализуемости этого критерия и может быть рассмотрена продуктивность любых теорий межвоенного периода.

Невозможно говорить о единой модели стратегии, характерной для блока крупных капиталистических держав. Теоретические положения, высказанные Д. Фуллером, Б. Лиддел Гартон и рядом других теоретиков и практиков в Англии, полностью основывались на уроках Первой мировой в сочетании с традиционным для англичан акцентом на защиту колониальных владений и крайне ограниченное участие в европейской сухопутной войне [Statement Relating...]. Показательно, что англичане, будучи пионерами танкостроения и достаточно интенсивно проводя разработки в области производства и применения гусеничных бронированных машин, рассматривали танки преимущественно как средство борьбы на колониальных фронтах (в частности, в Африке), а также защиты баз флота (вместе с пехотой) на континенте в случае европейской войны [Английский устав, с. 10–11].

Преимущественно оборонительная стратегия англичан предусматривала абсолютный приоритет ВМФ перед другими видами вооруженных сил, активное использование стратегической авиации. Однако бомбардировочная авиастроительная программа к концу 1930-х практически потерпела крах, и Англии пришлось вернуться к приоритету истребителей. Таким образом, британские стратегические разработки, в отличие от тактических, были малоприменимы в геостратегических условиях СССР в силу их полной непригодности для масштабной сухопутной маневренной войны.

Несмотря на сухопутный в целом характер французской стратегии (Петэн, Шовино и др.) и традиционно большой авторитет французской школы в России, ее положения были также весьма слабо применимы для советских теоретиков. Победа в мировой войне и вызванная ею убежденность в безошибочности собственной боевой практики сыграли с французами злую шутку. Переоценка роли пехоты и артиллерии, скепсис по поводу применения танков, но, главное, устойчивая ориентация на позиционную войну, оборонительную стратегию и изматывание противника были абсолютно архаичны и противопоказаны «самой атакующей армии в мире».

Польская стратегия, безусловно, не представляла собой особой ценности, будучи причудливым сочетанием архаики и ограниченных инноваций. Поляки были привержены стратегии наступательной маневренной войны, и это роднило их с советскими стратегами. Однако формы этой войны виделись более чем старомодными, с опорой на использование кавалерии и невнятной ролью танков и авиации.

Стратегия Соединенных Штатов Америки, выраженная словами полевого устава: «ведение войны есть искусство применения вооруженных сил нации в сочетании с мерами экономического и политического принуждения в целях достижения удовлетворительного мира» [Временный полевой устав, с. 36], с полным основанием может быть названа как «стратегией не прямых действий», так и новомодным термином «гибридная война». В целом оборонительная и нацеленная на массовое применение армии в финальный период войны, она, однако, подразумевала ключевую роль стратегической авиации, а в создании образцов техники для нее США продвинулись к концу 1930-х, несомненно, дальше всех в мире.

Итальянская стратегия (П. Бадольо, Т. Силлани, В. Праски и др.) была достаточно противоречива. Не имея внятных территориальных интересов в Европе (исключая Балканы), итальянцы нуждались в выходе к потенциальным колониям, что определяло приоритеты – развитие флота и сухопутные действия на африканском театре. Обладая достаточно развитой промышленностью и передовыми разработ-

ками в сфере авиационных и морских вооружений, они, однако, не выработали аутентичной концепции применения вооруженных сил в большой войне. Итальянская стратегия в основном оставалась клоном немецкой, в том числе и в плане ее наступательности. Впрочем, в сфере авиационной стратегии, причем почти сразу после завершения Первой мировой войны, ставший вполне легендарным персонажем Дж. Дуэ сумел разработать концепцию, намного опередившую свое время и частично реализованную в 1944–1945 гг. и в послевоенное время [Дуэ]. Потенциал его теории, безусловно, еще подлежит оценке.

Безусловно, наиболее близкой к советской и наиболее интересной по ряду объективных причин оказывалась немецкая стратегия – в первую очередь в силу того, что она предусматривала быстрое решение стратегических задач войны путем эффективного использования достаточно ограниченных сил и средств, а также благодаря явно сухопутному характеру военной доктрины. Кроме того, СССР и Германия тесно взаимодействовали в военной области в 1920-е гг. и объективно имели потенциально один и тот же театр боевых действий. Впрочем, окончательную конфигурацию концепция блицкрига приобрела во второй половине 1930-х гг. в связи с появлением новых образцов техники, развитием радиосвязи и отработкой взаимодействия родов войск на полях сражений в Эфиопии и особенно в Испании.

Исключительно интересно малоисследованное направление военно-стратегической мысли, представленное русскими эмигрантскими теоретиками, работавшими за рубежом. Типичным примером такого творчества является курс лекций генерала В. А. Тараканова «Тактика броневых войск», прочитанный им на Зарубежных высших военно-научных курсах профессора генерала Головина в Белграде в 1931–1932 гг. Внимание к авторам, находящимся «между лагерями» и до известной степени влиявшим на взгляды военных специалистов Красной Армии, безусловно, оправдано. Отнюдь не повторяя Д. Фуллера и других теоретиков, Тараканов, например, прогнозирует появление специализированных машин на базе танков, активную механизацию войск, встречные танковые бои и даже глубинные рейды отдельных танков, не сопровождаемых пехотой [Тараканов, с. 15, 36–40, 69]. Последний пассаж явственно перекликается с эпизодом более позднего советского фильма «Танкисты», в максимальной степени пропагандировавшего возможность танка как самостоятельной боевой единицы массовому зрителю.

Наибольший интерес, на наш взгляд, вызывают те сегменты советской стратегии, которые были связаны с развитием теории глубокой наземной операции и теорией применения воздушных сил. Говоря о советской военной стратегии, необходимо учитывать ряд факторов,

оказывавших влияние на ее генерацию. Огромное значение имела идеологическая ангажированность. Военная стратегия рассматривалась как прямое продолжение курса партийного руководства на решение внешних и отчасти внутренних вопросов жизни советского государства. Поэтому любая проблема неизбежно рассматривалась через призму долженствования в рамках марксистско-ленинского учения и не должна была явно ему противоречить.

Советская военная мысль достаточно пристально следила за новшествами зарубежной стратегии и деятельно генерировала собственные концепции. Наиболее любопытны в этом отношении идеи В. К. Триандафиллова, касающиеся общих вопросов теории глубокой операции и существенно опередившие свое время. Однако масштаб этого опережения нельзя преувеличивать. Как и делать выводы о шапкозакидательстве отечественных стратегов. Они отлично осознавали, что усложнение способов ведения войны и насыщение войск техникой ставят более глобальные задачи на поле боя, но и сопряжены с неизмеримо большими трудностями. Например, Тараканов утверждал, что «успех прорыва мог считаться достигнутым лишь в том случае, если удастся дойти до линии расположения главных артиллерийских позиций противника и заставить артиллерию сдвинуться с места» [Тараканов, с. 5], т. е. речь идет о продвижении на несколько километров как об успехе операции прорыва обороны. В 1936 г. В. К. Триандафиллов указывает, что «добиться развязки в современной операции – означает преодолеть всю глубину тактического расположения противника и вслед за этим отбросить и те части, которые за это время будут подброшены в район завязавшихся боев походом, на автомобилях и по железным дорогам. В общей сложности бои растянутся в глубину до 25–30 км...» [Триандафиллов, с. 147]. Заметим, что эти строки написаны без учета наземных операций в Испании. Операции будущего видятся автору «более продолжительными и трудными. По своему характеру эти операции... будут более походить на медленно развивающиеся действия 1918 г., чем на полные напора и маневренности действия германцев в 1914 г. или действия Красной Армии в 1920 г. В будущем надо ожидать дальнейшего роста потерь. Маневренный период мировой войны в этом отношении нельзя считать характерным для будущих операций... Есть целый ряд данных, которые утяжеляют условия наступления даже по сравнению с позиционным периодом мировой войны» [Триандафиллов, с. 152, 168]. В этом контексте трудно говорить о том, что советские военные руководители не придавали значения обороне, сосредоточившись на наступательных планах [Военная стратегия, с. 169; Осьмачко, с. 312].

Более соответствует истине то, что советская военная мысль (как и русские эмигрантские военные специалисты) находилась в русле наиболее передовых тенденций мирового стратегического поиска. Характер отечественной стратегии определялся государственными задачами, обязательствами лидерства социалистического движения, наличествующей материально-технической базой, традициями контактов с немецкой военной школой, общим наступательным настроем, пропагандированным в армии и среди населения, а также особенностями предполагаемых театров боевых действий. Признать советскую стратегию излишне оптимистичной или несбалансированной, по крайней мере до самого конца 1930-х гг., невозможно. Любые концепции, напоминавшие блицкриг, с технической точки зрения были фантастикой до первой половины 1930-х гг., а ограниченное подтверждение получили только на полях сражений в Испании, поэтому вплоть до 1937–1938 гг. гипотезы оставались лишь гипотезами. Операции немецкой армии в Европе и Советского Союза в Финляндии и на Дальнем Востоке дали бесценный, но слишком запоздалый опыт. В сущности, изменения, произошедшие в способах ведения боевых действий, стали очевидны только после завершения французской кампании. Только с этого момента может считаться, что блицкриг был «обкатан».

Не менее значимыми были разработки А. Н. Лапчинского, В. М. Лозового-Шевченко и др., касающиеся выработки стратегии авиации – нового рода войск, которому придавалось решающее значение в будущей войне. В трудах Лапчинского «Воздушный бой» [Лапчинский, Воздушный бой], «Бомбардировочная авиация» [Лапчинский, Бомбардировочная авиация] и посмертно изданном итоговом произведении «Воздушная армия» [Лапчинский, Воздушная армия] был детальнейшим образом проанализирован опыт использования ВВС как за рубежом, так и в СССР. Результатом стало создание фундаментальной отечественной авиационной стратегии, охватывающей дискуссионные на тот момент «вопросы воздушного наступления и воздушной обороны, вопросы о возможности создания воздушно-зенитного фронта, о понятии «воздушная операция», о системе воздушных вооружений и об организации воздушной армии» [Там же, с. 3].

Крайне показательным выглядит труд В. М. Лозового-Шевченко «Борьба с авиацией на ее аэродромах» [Лозовой-Шевченко]. Он аккумулирует не вполне удачный опыт советско-финской войны, итоги боевой работы авиации в Европе, а также ставит вполне конкретные цели и задачи по борьбе с потенциальным противником. Особенно впечатляет время подписания книги в печать – январь 1941 г. Сценарии, предназначенные для ВВС РККА, через пять месяцев зеркально будут отыграны Люфтваффе.

Сопоставление взглядов ведущих советских авиационных теоретиков с концептуальными предложениями западных стратегов явственно демонстрирует революционный характер советского военно-стратегического проекта этого периода. Однако тема эта исключительно масштабна и требует отдельного исследования.

В 1940 г. Г. С. Иссерсон в работе «Новые формы борьбы» утверждал, что «новые виды вооружения и техники придают боевым действиям качественно иной характер; а война в Европе показала, что немцы начинали военные действия заранее отмобилизованными и развернутыми силами, вкладывая в их первоначальный удар всю свою мощь» [Иссерсон, с. 29]. Констатация, однако, оставалась констатацией. В процессе подготовки к будущей войне определяющую роль играли экономические (и промышленные, в частности) возможности СССР. Индустриализация и коллективизация были продиктованы, в первую очередь, необходимостью насыщения армии и флота техникой и ресурсами, поэтому неудивительна прямая зависимость концепций применения сил от обеспеченности их вооружениями. Вплоть до начала 1930-х гг. любые рассуждения о будущей войне неизбежно несли на себе в СССР, да и за рубежом, отпечаток теоретизирования и основывались на ожидаемых к принятию на вооружение новых образцах техники, порой вполне гипотетичных.

Первым переломом можно считать рубеж 1933–1934 гг. Он был связан с тем, что были апробированы, испытаны и пущены в производство многочисленные базовые образцы боевой техники, которые выпускались исключительно большими по мировым меркам сериями – в частности, вся линейка танков (Т-26, БТ-7, Т-28, Т-35), тяжелый бомбардировщик ТБ-3, истребители И-15 и И-16. Красная Армия получила в больших количествах те «шахматные фигуры», которыми можно было оперировать в будущей войне, и теоретические концепции стали получать вполне конкретное материальное оформление.

Второй перелом произошел летом и осенью 1940 г. К этому времени опыт применения сухопутных армий и авиации в Китае, Эфиопии, Испании, Финляндии оказался внезапно дополнен успешным блицкригом, фактически ликвидировавшим Западный фронт. Имело значение и появление нового поколения военной техники в 1936–1939 гг. Суммирование связанных с этим выводов стало кульминацией межвоенных поисков отечественной стратегии. Примером этого злободневного анализа является вышеупомянутая книга Г. С. Иссерсона «Новые формы борьбы».

Однако анализ этот явно запоздал и не мог существенно изменить ситуацию в условиях катастрофической нехватки времени. Хотя, безусловно, поражения 1941–1942 гг. являются следствием отнюдь не

только порочной стратегии руководства Красной Армии. Заметим, что основной причиной несостоятельности стратегии обороны СССР в первый период войны, без сомнения, явились морально-психологические факторы: нестойкость основной массы РККА, недостаточная мотивированность личного состава, выжидательная позиция населения территорий, потенциально оккупируемых противником, пассивная и приспособленческая позиция местного руководства и, разумеется, отсутствие инициативы низшего командного и рядового состава РККА.

В этом контексте как списывание всей ответственности за катастрофическое поражение в начальной фазе войны на предвоенные репрессии, якобы обезглавившие армию, так и поиски мнимых огрехов в предвоенной стратегии, якобы не нашедшей баланса между оборонной и наступлением, равно несостоятельны. Отечественная стратегия в предвоенный период была вполне передовой на фоне большинства зарубежных, и следует скорее уделить внимание человеческому фактору в поиске причин неудач 1941–1942 гг.

Особенно актуальным кажется сравнение этих различий с теми, которые выстроились на основе опыта Второй мировой войны по обе стороны «железного занавеса». Безусловно, сопоставление стратегий Варшавского блока и НАТО представляет не менее впечатляющую идеологическую баталию военно-стратегических концептов. Тем интереснее их взаимная оценка в контексте противостояния государств межвоенного периода. Равно как и сопоставление, на основе этого опыта, современных стратегических программ НАТО, России и КНР.

Английский устав полевой службы. Ч. III. М., 1937.

Военная стратегия. М, 1963.

Временный полевой устав армии Соединенных Штатов Америки. М., 1941.

Дусин А. В. Тематика военных переводных книг в СССР (1920–1930-е годы) // Библиосфера. 2012. № 1. С. 55–61.

Дуэ Дж. Господство в воздухе. Сборник трудов по вопросам воздушной войны. М., 1936.

Иссерсон Г. С. Новые формы борьбы: (Опыт исследования современных войн). М., 1940.

Ланчинский А. Н. Воздушный бой. М., 1934.

Ланчинский А. Н. Бомбардировочная авиация. М., 1937.

Ланчинский А. Н. Воздушная армия. М., 1939.

Лозовой-Шевченко В. М. Борьба с авиацией на ее аэродромах. М., 1941.

Осьмачко С. Г. Культура военной мысли в СССР (1920–1930-е гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2015. С. 306–314.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 4. М., 1947.

Тараканов В. А. Тактика броневых войск. Лекции, читанные в 1931–32 учебном году на младшем классе. Белград, 1933.

Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. М., 1936.

Хлезов А. А. Сталин и война // И. В. Сталин: pro et contra, антология. Т. 1: Образы союзников-победителей в культурной памяти о Войне 1941–1945 гг. / сост., вступ. статья, коммент. А. А. Хлезова. СПб., 2015. С. 7–118.

Хлезов А. А., Коскова А. С. Образ «будущей войны» как элемент национально-государственной идентичности в СССР 1920–1930-х гг. // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: Сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева, Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 693–702.

Statement Relating to Defence issued in Connection with the House of Commons Debate on March 11, 1935. L., 1935.